

Виктор
Ледерман

ТЕОРИЯ НЕВЕРОЯТНОСТЕЙ

Виктория Валерьевна Ледерман

Теория невероятностей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38625360

Теория невероятностей : [для сред. шк. возраста : 6+] / Виктория

Ледерман: КомпасГид; Москва; 2018

ISBN 978-5-00083-528-9, 978-5-00083-510-4

Аннотация

«Назад в будущее», говорите? «Назад в свою вероятность» – задача куда сложнее! И решать ее Матвею предстоит в одиночку – ведь все началось поздним вечером, когда он на минуту вышел из дома и наткнулся на местных хулиганов... Тот понедельник вообще не заладился: утром отключили интернет, в школе оставили после уроков, а потом мама огорошила ужасной новостью – с ними теперь будет жить чужая девчонка! Как мог закончиться такой день? Бегством от трех бандитов, мечтающих отобрать у Матвея телефон; поездкой в полупустом автобусе на окраину города; отчаянной попыткой спрятаться в заброшенной бетонной трубе. И попаданием в аль-тернативную вселенную, где никакого Матвея Добровольского не существует, а вместо него – девчонка по имени Милослава! Помощи ждать неоткуда: кто поверит в сказку о семикласснике, потерявшемся между мирами? Ни учителя, ни одноклассники, ни родители, ни друзья (которых у Матвея все равно нет). Разве что странный, вечно

попадающий в неприятности Веня Ватрушкин? Вот уж кто разбирается в фантастических сюжетах! Виктория Ледерман в фантастических сюжетах разбирается не хуже своего героя, и новая повесть «Теория невероятностей» – прекрасный пример увлекательного, современного и ненавязчиво поучительного произведения. Предыдущие книги писательницы – «Календарь ма[й]я», «Уроков не будет», «Всего одиннадцать, или Шурымуры в пятом „Д“», «К доске пойдёт... Василькин!» – стали бестселлерами среди читателей младшего и среднего школьного возраста.

Содержание

Книга 1	6
1	6
2	15
3	24
4	35
5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктория Ледерман

Теория невероятностей

© Ледерман В. В., текст, 2018

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

*** * ***

Книга 1

1

День не заладился с самого утра: отключили интернет. Когда сонный Матвей перетек из кровати в компьютерное кресло и практически на ощупь прогулялся пальцами по клавиатуре, его ждал сюрприз: нет соединения. Он позвонил провайдеру и услышал ответ:

– Авария на магистральной линии. Вероятно, будет ликвидирована в течение суток.

Матвей тупо смотрел на экран монитора, пытаясь осознать размеры катастрофы. Вот это подстава! Целые сутки без интернета? Все, конец. Отрезан от мира. Отключен от цивилизации. Кошмар! Жуть! Самая кошмарная жуть, которая только могла произойти в понедельник в девять утра. До школы еще уйма времени – целых четыре часа. Можно было бы зарубиться в какой-нибудь шутер с френдами по сети или зависнуть на любимом сервере «Майнкрафт». Конечно, есть еще интернет в телефоне, но это совсем не то. Играть нужно с хорошим изображением и качественным звуком, так, чтобы соседи подсказывали в своих креслах.

Матвей в состоянии вселенской скорби притащился на кухню, забрался на стул у барной стойки, подпер голову ру-

ками и горестно вздохнул. Утро было испорчено. Мама же, наоборот, бодро цокала домашними босоножками – от холодильника к обеденному столу, от стола к плите, от плиты к кофеварке, от кофеварки снова к столу. У Матвея от этого мельтешения зарябило в глазах.

– Хочу сок и тост! – мрачно потребовал он.

Мама мимоходом поцеловала его в макушку:

– Доброе утро, злючка-колючка!

Матвей недовольно дернул головой. Ну что она вечно лезет со своими нежностями? Знает ведь, что он ненавидит все эти муси-пуси. Он же не девчонка, в самом деле.

Мама поставила на стол кофейную чашку с густой молочной пеной.

– Капучино готов! – провозгласила она.

– Уже на полдороге, – отозвался из гостиной папа. – Несусь со всех ног.

– Мам, ты слышишь? Сок и тост! – с досадой повторил Матвей.

– Сынок, мне некогда, я папу собираю. Скоро уже выезжать.

– Скоро? У него самолет только через пять часов!

– А пробки? А регистрация? Хватит ворчать, как старый дед. Сделай сок сам, апельсины в холодильнике. А батона вообще нет. Ты же вчера не пошел в магазин, хотя я просила. – Мама открыла микроволновку и вытащила тарелку с дымящимися блинчиками.

– Ну вот здрастье! – живо возмутился Матвей, обрадованный возможности поскандальить. – А что, кроме меня, никто не может купить батон? Это что, моя прямая обязанность? Я живу тут только для того, чтобы ходить в магазин?

– Не только в магазин, – весело сказал папа, появляясь в кухне. – Но еще и на рынок, в аптеку... Ну и в школу, конечно.

– Смешно, – пробурчал Матвей и отщипнул кусочек от блинчика.

– Может, все-таки позавтракаешь? – спросила мама у папы.

– Да нет, позже, перед выходом. Пока только кофе, – папа взял пульт и включил телевизор.

– В начале октября каждого года жители Земли могут наблюдать метеорный поток Дракониды, названный так по созвездию Дракона, в котором находится его радиант, – громко заговорил диктор. – И, если позволит погода, в вечерние часы можно заметить падающие звезды...

– Сынок, – сказала мама, убавляя громкость. – Мы же с тобой вдвоем остаемся. Давай вечером куда-нибудь сходим? В кино, например, или на каток в наш торговый центр? Погуляем вместе, а?

– Я занят, – поспешно сказал Матвей. – Очень много уроков на завтра. И опрос по истории...

Ну что за идеи – хоть стой, хоть падай. Идти в кино с мамой! Что может быть глупее?

У мамы сделалось обиженное лицо, будто она прочитала мысли Матвея. Пришлось согласиться сходить в магазин.

– Как на каторгу, – прокомментировал папа, наблюдая за одевающимся сыном. – Пытка батоном и сосисками.

Матвей подавил тяжелый вздох. И так настроение паршивое, а им всё шуточки. Вышла из строя самая главная вещь в доме. Без нее жизнь пуста и бесцветна. Можно сказать, утрачен смысл существования на предстоящие сутки. Только кто это может понять? Уж точно не папа с мамой.

По пути из магазина за Матвеем увязался щенок. Смешной такой, мохнатый, похожий на шерстяную варежку. Сколько Матвей его ни гнал, он не отставал. Отбежит немного в сторонку, остановится, а потом догоняет: лапы заплетаются друг о дружку, уши шлепают на ветру. Матвей не выдержал, присел возле него, погладил, даже одну сосиску ему скормил. И дальше пошел, а щенок – за ним. Так и добрались до подъезда вместе. У железной двери щенок сел и выжидаяще уставился на Матвея. Как будто говорил: ну хорошо, покормил, поиграл, а дальше?

Матвей потрепал его по голове.

– Ладно, уговорил. Но спорим, через три минуты ты снова окажешься на улице? Засекай!

Он схватил щенка на руки, открыл дверь магнитным ключом и побежал вверх по лестнице.

Щенок так вертелся в руках, пытаясь облизать своему бла-

годетелю лицо, что Матвей нечаянно упустил его в коридоре. Находчивое животное рвануло напрямиком в кухню. Мамин вопль, донесшийся оттуда через секунду, свидетельствовал об их неожиданной встрече.

– Матвей!!!

Мама в ужасе выскочила в коридор. Матвей и сам уже был не рад своей выходке, но нужно же держать марку. Так, на всякий случай, чтобы знали.

– Ты в своем уме?! – гневно вскричала мама.

– А что такое? – прикинулся дурачком Матвей.

– Как что такое? Ты о папе подумал?

– О папе, о папе! А обо мне кто-нибудь думает? Я всю жизнь мечтаю о собаке!

– Быстро лови его, пока папа в душе. Сейчас же неси назад.

– Мама! Где справедливость?

– Я сейчас тебе покажу справедливость! Бессовестный! Лови!

Матвей поднял подбежавшего к нему щенка и прижал к себе. Глаза мамы метали молнии. Редко удавалось так разозлить ее. Обычно она обходилась уговорами и старалась превратить все в шутку.

– Почему я должен страдать из-за папы? Я-то ведь здоров!

– Потому что мы семья! Мы поддерживаем друг друга! Болеет один – страдают все. С аллергией не шутят, дорогой мой. И мне странно, что ты в свои тринадцать лет этого не

понимаешь.

– Мне почти четырнадцать.

– Тем более!

Мама вытеснила Матвея со щенком на лестничную площадку.

– Сейчас же отнеси его во двор!

– Он там замерзнет!

– В начале октября? При температуре плюс пятнадцать? Не зли меня, Матвей! Последний раз тебе говорю: мы можем жить либо с собакой, либо с папой. Кого ты выбираешь?

Матвей со щенком под мышкой побрел вниз по лестнице. Пройдя один этаж, он крикнул наверх, просто так, из духа противоречия:

– Все равно нечестно!

– Придешь – вымоешь руки! – донесся до него суровый голос мамы. – С мылом!

Во дворе Матвей отпустил щенка и присел на лавку у подъезда. Щенок покрутился рядом и, отбежав в сторону, стал копаться в опавшей листве. Матвей достал из кармана смартфон и провел пальцем по экрану. Хоть узнать, что сегодня в сети творится. Все, небось, уже там, играют. А он вынужден тут гулять, как последний дурак. Хотя на улице и правда хорошо, солнце припекает совсем по-летнему, будто у осени выходной. Папа сказал, что такая погода продержится всю неделю, и пошутил, что мама слишком рано убрала из прихожей летние туфли и солнечные очки.

С другого конца двора донеслись громкие голоса и гогот. Матвей оторвался от смартфона и поднял голову. В арке появилась какая-то шпана. Трое подростков неопределенного возраста с банками пива и пачками чипсов в руках вошли во двор, огляделись и оккупировали детскую карусель. Бабушка, караулившая внука на детской площадке, мигом выдернула малыша из песочницы и шустро понеслась к своему подъезду. Это вызвало у гопоты новый приступ веселья.

– Бабуська-спринтер! – восхитился шуплый вертлявый подросток в узких тренировочных штанах и низких кедах на босу ногу. Его соратники оценили шутку громким гоготом. Матвей настороженно следил за происходящим, предусмотрительно спрятав смартфон в потайной карман на рукаве куртки.

По тротуару, усыпанному желтыми листьями, манерно вышагивала гламурная фифа на высоких толстых каблуках. Вертлявый, польщенный одобрением товарищей, гнусаво прокричал:

– Эй, принцесса Фиона, дай-ка телефончик! Мамуле в больничку звякнуть.

– Облезешь от счастья, тупой гоблин! – даже не повернувшись в его сторону, отбрила фифа.

– Чё ты сказала, коза? – дернулся тот, порываясь прыгнуть с карусели. Но другой подросток схватил его за рукав.

– Чё слышал, придурок! – Фифа гордо зашагала дальше. Самый старший, высокий и светловолосый, наклонился к

двум остальным и что-то тихо сказал. Выражение его лица и шныряющий по двору взгляд не понравились Матвею, и тот поспешил домой.

Соседку тетю Валю Матвей слышал еще с первого этажа. Она всегда говорила громко, на самой высокой ноте, и когда радовалась, и когда возмущалась, поэтому нельзя было сразу определить, в каком она настроении. Ее визгливый голос разносился по всему подъезду.

– Да это не предрассудки, Полина! – верещала тетя Валя, стоя на их пороге со стаканом муки в руках. – Что ты! Негативная энергетика! Да еще и Марс в Весах! Надо подождать несколько дней...

– Ладно, ладно, тетя Валь, поняла, – нетерпеливо сказала мама, пропуская Матвея в прихожую. – Я пойду, надо собираться, у Саши самолет скоро...

– Самолет?! – истерически взвизгнула соседка, и у Матвея аж скулы свело от ее пронзительного голоса. – Сейчас ни в коем случае нельзя летать! Рождение новой луны – это опасный период, самое большое количество несчастных случаев приходится как раз...

– Тетя Валь! – резко оборвала ее мама. – Хватит уже! Что вы, в самом деле? Все, до свидания.

– Чего она? – спросил Матвей, когда мама закрыла дверь.

– Да вот, за мукой заходила.

– И опять со своими гороскопами?

– А ты можешь себе представить тетю Валю без гороско-

пов?

– И что у нее сегодня случилось?

– Ой, не знаю, то ли новолуние, то ли безлуние... То ли вообще криволуние. Мне стричься на этой неделе запретила, а папе – в командировку лететь. Плохой период, видите ли, негативная энергия, в общем, куча неприятностей... Да ну ее, вечно наговорит ерунды!

Мама махнула рукой и поспешила на кухню.

«Ерунда или нет, но одна неприятность уже точно есть», – вздохнул Матвей и поплелся в свою комнату к бесполезному сейчас компьютеру.

Папа уехал в одиннадцать. Перед этим расчихался, да так сильно, что пришлось принять таблетку, а мама делала Матвею страшные глаза. Интересно, как папа чует шерсть? Ведь щенок и двух минут не был в квартире. Папа, конечно, все понял, но не разозлился. Он никогда не злился на Матвея. И всегда все разрешал.

В школу Матвей отправился к третьему уроку. Он принципиально не посещал школьных мероприятий. А сегодня как раз стартовала заключительная неделя школьной спартакиады среди седьмых классов, которая началась еще в сентябре. Третье и четвертое место уже присудили седьмому «Г» и седьмому «В», и теперь за титул чемпиона боролись седьмые «А» и «Б». Вместо двух первых уроков в спортзале проходил баскетбольный матч между командами девочек. Ну а мальчики сидели на скамейках для болельщиков, поддерживали свои команды. Но Матвей не считал это событие достойным внимания и не собирался тратить на него время. Он искренне не понимал, зачем вообще выяснять, кто кому может забить лишний гол. Или кто победит в конкурсе танцев, например, или займет на городской олимпиаде какие-то там места. Что, жить от этого легче, что ли?

К школе Матвей относился как к неизбежному злу. На уроки ходил, задания делал. Почти всегда. Ну, во всяком

случае, когда точно знал, что спросят. Но кружки, концерты, школьные спектакли, походы в кино и остальное, на что была способна неумная фантазия их молодого классного руководителя, – все это Матвей стойко игнорировал. Они с Олегом Денисовичем давно не понимали друг друга, еще с пятого класса. Классный злился, что Матвей выбивается из общей массы, а поделаться ничего не мог. Внешкольная деятельность – дело добровольное, это Матвей четко знал. Правда, Олег Денисович уже третий год все никак не мог успокоиться. И фамилия у него была подходящая, прямо в точку: Докучаев. В минуты сильного раздражения Матвей называл его Доставаев. Ну, конечно, только когда учитель не мог этого слышать.

Звонок с урока уже прозвенел, и в школе царила обычная суматоха. В вестибюле гонялись друг за другом вечно веселые первоклашки из продленки, кидались сменкой и хлестали друг друга куртками ребята постарше. Охранник, дядька пенсионного возраста, тоскливо зевал за своим столом возле расписания уроков. Непонятно, что входило в его обязанности, потому что его не волновали ни дисциплина в вестибюле, ни кражи в раздевалке, ни пропуска учеников, которые нужно было проверять, ни взрослые посетители, которых следовало бы останавливать и записывать в специальную тетрадь.

Матвей, не отрывая взгляда от смартфона, прошел через турникет и прямо в куртке и уличной обуви направился к

лестнице левого крыла, ведущей на второй этаж. Охранник, не удостоив его даже взглядом, сладко потянулся и вновь склонился над кроссвордом.

Неприятности, начавшиеся утром, продолжались с невероятным упорством. В коридоре, не успев Матвей пройти и пяти метров, на него налетел одноклассник Веня Ватрушкин. Да ладно бы просто налетел, а то ведь вылил на его штанину чай из пластикового стаканчика. И чего, спрашивается, ему не сиделось в столовой?

Матвей отскочил от него, дрыгая ногой.

– Ватрушкин, блин! Олень!

– Ой, прости! – пробормотал Веня, уставившись в пустой стаканчик.

Веню Ватрушкина знали все, и не только параллель седьмых классов. Он был школьной легендой. Неудачи сыпались на него одна за другой. Невысокий и щуплый, Ватрушкин был ужасно неуклюжим. Он постоянно падал, разбивал локти и колени, ломал пальцы, один раз даже вывихнул челюсть. Вокруг него всегда все рушилось, шлепалось, разбивалось и разливалось. Одноклассники старались обходить его стороной. Он понимал это и не особенно набивался в друзья. Веня к тому же был настолько рассеянным, что постоянно выучивал не то стихотворение, решал не ту задачу, а на контрольной у него обязательно заканчивались чернила в ручке или терялся карандаш. И несчастный Ватрушкин сидел до конца урока, стесняясь попросить запасную ручку.

Сегодня он выглядел особенно колоритно: светлые вихры были всклокочены, оправа очков перекошена, стекла треснули, бровь скрылась под огромным куском пластыря. В ушах сидели наушники. Впрочем, они всегда там сидели. Никто не представлял себе Ватрушкина без наушников.

– Чего «ой»? Глаза дома забыл? Или ты как летучая мышь: уши перекрыл – и в пространстве не ориентируешься? Меломан, тоже мне! – негодовал Матвей.

– Я... я нечаянно, я не хотел, – виновато забубнил Веня, выдергивая один наушник из уха.

– Да мне плевать, хотел ты или не хотел! Как я теперь мокрый буду?

– Извини, пожалуйста...

По коридору с радостными воплями неслись Белкин и Чернышов, два друга, два попугая-неразлучника. Доскакав до Ватрушкина, они бросились его обнимать, хлопать по плечам и трясти ему руку.

– Ватрушкин, друг! Спасибо тебе! От всей нашей команды! Огромное человеческое спасибо! – восторженно завопили они наперебой.

Веня растерянно моргал, не понимая, за что его благодарят, и несмело улыбался. Матвей вытирал мокрую штанину бумажной салфеткой, предложенной Ватрушкиным, и скептически наблюдал за бурной сценой.

– Если бы не ты, нам бы всем крышка! Мы бы точно продули!

– Все-таки мы их сделали! Этих противных «ашек»! Молодчага, что не пришел болеть за наших девчонок.

– Двадцать один восемнадцать! В нашу пользу! Ватрушкин, ты лучше всю неделю не приходи. Дай нам финал выиграть. Без тебя мы чемпионами станем!

Белкин и Чернышов с искренним восторгом тискали Веню, тот беззлобно отбивался от них. Матвей скомкал в руке салфетку и, презрительно усмехнувшись, направился к кабинету геометрии.

В классе кипели страсти. Никому не сиделось на месте. Все галдели, смакуя подробности судьбоносного баскетбольного матча. Матвей кинул сумку на свою парту, не снимая куртки сел на стул и вновь углубился в смартфон.

Ну как можно всерьез радоваться какой-то мелкой школьной победе? Кому она вообще нужна? От нее ни жарко ни холодно. А эти визжат, скачут с горящими глазами. А проиграли бы – в классе был бы траур. Как дети, в самом деле!

В класс влетел Олег Денисович. Он никогда не ходил по школе, он бегал. И вообще на учителя, а тем более на классного руководителя, не был похож. Ну, разве что на практиканта из пединститута.

Но тем не менее Олег Денисович Докучаев работал в школе учителем музыки, играл на аккордеоне, фортепьяно и гитаре, вел вокал и хореографию у младших классов, руководил драматическим кружком у старших, организовывал все мероприятия в школе и еще умудрялся подрабатывать на

стороне. Говорили, что он ведет свадьбы, банкеты и корпоративы. Матвей недоумевал, когда он все успевает и зачем ему это нужно. Ехал бы себе в Москву и искал бы применение своим талантам там. А не мучил бы здесь своими дурацкими выдумками ни в чем не повинных людей.

Увидев обожаемого учителя, класс ринулся к нему и окружил плотным кольцом.

– Как мы их, а, Олег Денисыч? Вы видели, вы видели? – возбужденно закричали семиклассники, дергая его за руки. Каждый старался развернуть классного к себе. – Олег Денисыч, мы их просто порвали сегодня! Победа! Ура! Это вам подарок на День учителя!

– Отличный подарок, спасибо! Молодцы, девчонки! Так держать! Павел Анатольевич ставит пятерки по физкультуре всем, кто участвовал в матче, – стараясь их перекричать, провозгласил Олег Денисович. – А я что вам говорил?

Он рывком выбросил правую руку вверх и выкрикнул:

– Наш седьмой «Б»...

Двадцать пять рук взметнулись в едином порыве, и двадцать пять звонких голосов с готовностью проорали:

– Самый активный!

– Наш седьмой «Б»...

– Самый спортивный!

– Наш седьмой «Б»...

– Самый реактивный, инициативный и суперкреативный!

– И мегадефективный, – процедил сквозь зубы Матвей.

Выговорив четко и без запинки свою речевку-скороговорку, семиклассники радостно зааплодировали сами себе. Матвей в изнеможении закатил глаза к потолку: цирк!

– Ну что, финальную неделю открыли удачно, – сказал Олег Денисович. – Я надеюсь, что ваш боевой дух не угаснет. В четверг и в субботу мы покажем такие же отличные результаты. Я в вас верю!

Класс снова зааплодировал.

– А теперь объявление. Нам предложили билеты в Театр юного зрителя, в следующее воскресенье, восемнадцатого октября. Для особо внимательных, Быстров и Мамаева, повторяю: не в это воскресенье, а в следующее! Записываться у меня. Надеюсь, что желающих будет, как всегда, много, и мы с вами интересно и весело проведем выходной.

– А какой спектакль, Олег Денисыч? – выкрикнули из толпы.

– Это современная постановка нашего городского театра, премьера спектакля. А называется он «Тридцать три несчастья».

– А нам такой спектакль не нужен! – выкрикнул Чернышов. – У нас есть Ватрушкин!

Класс покатился со смеху. Олег Денисович нашел взглядом Веню.

– Да, кстати. Ватрушкин! Почему тебя сегодня не было?

– Олег Денисыч, не ругайте его, – кинулись на защиту Веню ребята. – Мы поэтому и победили. Надо его к «ашкам»

в класс подсылать, болельщиком. Тогда мы постоянно выигрывать будем.

Олег Денисович за руку вытянул Веню из толпы и наклонился, разглядывая его лицо.

– Ватрушкин! Горе мое! Что с тобой опять приключилось?

Веня, смущенный всеобщим вниманием, еле слышно прошептал:

– Я это... стукнулся. Лоб разбил... Зашивать ездили...

– Обо что ж ты стукнулся? Обо что можно так стукнуться, чтобы пришлось ехать зашивать? – поинтересовался Олег Денисович.

Класс затих в ожидании ответа. Веня в полной тишине застенчиво проговорил:

– Об автобус...

Класс взорвался дружным хохотом. Олег Денисович, смеясь, обнял Веню за плечи:

– Ну, дружище ты мой! Это прогресс! Двери, окна, витрины – пройденный этап. Ты уже на автобусы перешел? Таранишь их головой?

Громко затрещал звонок на урок.

– Ну все, потом поговорим, – спохватился классный руководитель. – Быстро все по местам, и ныряем в геометрию. Попробуйте только троек нахватать за самостоятельную!

Семиклассники нехотя разбрелись по своим местам. Взгляд Олега Денисовича остановился на Матвее.

– Добровольский! – гаркнул учитель.

Матвей вздрогнул и поднял голову.

– Почему в классе в верхней одежде? По-моему, в школе уже тепло. Для чего у нас раздевалка?

– Не пойду я в раздевалку.

– Почему? Ты у нас особенный?

– Там вешалки рвут и одежду пачкают. А у меня куртка новая, дорогая, – с вызовом проговорил Матвей. – Я ее лучше в пакет уберу.

– Почему тебя снова не было на школьном мероприятии? – строго спросил Олег Денисович. Матвей упрямо промолчал, глядя в парту. Почему, почему? Да все потому же. Не хочет он. Не ходил и не будет ходить, хоть режьте, хоть к директору вызывайте, хоть двойки ставьте. А заставлять не имеете права.

– Знаешь что, Добровольский? Зайди ко мне после шестого урока, – сказал Олег Денисович. – Разговор созрел.

Он вышел из класса, столкнувшись в дверях с Алиной Васильевной, математичкой. Матвей нехотя встал с места и принялся стягивать куртку.

После уроков Матвей поднялся на третий этаж правого крыла и осторожно просунул голову в дверь кабинета музыки. Олег Денисович сидел за своим столом и что-то писал в журнал.

– Заходи, Добровольский, – позвал он, заметив ученика.

Хмурый Матвей вошел и остановился напротив стола, напряженно обхватив руками сумку.

– Садись, – предложил учитель.

Матвей остался стоять, всем своим видом выражая протест.

– Как зовут твоего лучшего друга? – неожиданно спросил Олег Денисович.

– Чего? Какого друга? – удивился Матвей. Он-то думал, что классный сейчас начнет ругать его за пропущенный баскетбольный матч.

– Ну как какого? Твоего друга, самого близкого.

– У меня их много.

– Лучших друзей не бывает много.

– Бывает. В сети их полным-полно.

– «В сети»? В смысле, виртуальные? Но это же не друзья, это тени, призраки. Иллюзия общения, мираж. Ты не видишь их глаз, не чувствуешь их тепла рядом с собой... Друг – это тот, кто рядом, кому ты можешь доверять, кого ты зна-

ешь лично, а не по аватарке. Тот, кто тебя понимает, и поддерживает, и в опасную минуту бросится спасать тебя, а о себе и не вспомнит. Потому что в тот момент важнее всего будешь ты. Есть у тебя такой друг?

Матвей молчал, глядя в сторону. И чего, спрашивается, привязался? Он что, всерьез думает, что Матвею интересно его мнение?

Не дождавшись ответа, Олег Денисович сказал:

– То-то и оно, что нет. Несладко тебе живется, а?

– Да нормально мне живется! Лучше всех! – разозлился Матвей. – У меня есть все что нужно.

– Да? А что тебе нужно? Когда ты себя чувствуешь счастливым?

– Когда я в своей комнате, перед компом, и меня никто не трогает!

Олег Денисович задумчиво потер переносицу. Матвей исподлобья наблюдал за ним. И чего он, интересно, добивается этим разговором? Или он считает, что Матвей тут же проникнется учительскими нравоучениями и впереди всех понесется на классный час или концерт?

В коридоре нарастал шум голосов. Дверь распахнулась, показалась голова Белкина.

– Олег Денисыч, мой дневник не у вас?

Учитель поискал на столе.

– Вот он, забирай. Как же ты весь день без дневника?

– Да я бы его с удовольствием совсем потерял!

– Стас, что там за шум? Это наши горланят?

– Ну да. У нас тут сборный пункт. Ну вы же в курсе, что Юлия Павловна в больнице? Сейчас пойдем ее навещать, с Днем учителя поздравим.

Белкин схватил дневник со стола и побежал к двери.

– Ну отлично, молодцы. Подождите немного, я скоро Добровольского отпущу, – сказал Олег Денисович.

– А он нам не нужен! – крикнул на ходу Белкин и выскочил в коридор.

– Слышал? – учитель повернулся к Матвею. – Ты им не нужен.

– И что? – фыркнул Матвей. – Они мне тоже не нужны. Я не баран, чтобы стадом ходить.

– Понятно. Ты презираешь своих товарищей, с которыми учишься бок о бок уже седьмой год.

– Я не презираю. Мне они по барабану. Я в них не нуждаюсь.

– По барабану, значит... А если случится так, что тебе понадобится их помощь?

– Чья помощь? Этих, что ли? – Матвей мотнул головой в сторону двери. – Белкина и Чернышова? Или, может, Ватрушкина?

– Ты зря иронизируешь, – покачал головой Олег Денисович, – Ватрушкин добрый парень, отзывчивый. Просто немного рассеянный.

– Немного рассеянный?! Он сегодня облил меня чаем,

опрокинул ведро уборщицы, уронил на химии пробирку с реактивом и наступил на свои очки. И все это за три часа. Просто человек-катастрофа!

– Мы говорим о тебе, Матвей, а не о нем. Проблемы у тебя.

– Нет у меня никаких проблем. Вам просто не нравится, что я не хожу на всякие там мероприятия.

– Дело не в мероприятиях, а в твоей жизни. Оглянись: вокруг тебя пустота. Нет ни интересных занятий, ни надежных друзей. Если убрать компьютер и интернет, у тебя вообще ничего не останется.

– Да хватит вам, Олег Денисович! Вы ничего про меня не знаете!

Олег Денисович пристально посмотрел Матвею в глаза. Тот ответил колючим взглядом исподлобья и хотел бросить еще что-нибудь резкое, но тут зазвонил лежащий на столе телефон. Учитель взял его в руки и встал из-за стола:

– Не уходи. Мы не договорили.

Он отошел в соседнюю комнатку, которая служила подсобкой и кладовкой, где учитель хранил весь свой реквизит. Дверь осталась приоткрытой, и Матвею было слышно все, что говорит Олег Денисович. Его невидимый собеседник с забавным именем Ратибор Гермогенович переносил банкет по случаю своего юбилея с пятницы на субботу и просил вставить в программу экзотический танец с удавом. А учитель отвечал, что именно в эту субботу и танцовщица, и удав

трудятся совсем в другом месте и физически не смогут появиться в коттеджном поселке Дубрава, несмотря на предлагаемый им солидный гонорар.

«Ну вот есть же бизнес у человека, – с досадой подумал Матвей. – Наверно, зарабатывает хорошо. Зачем ему надо с детьми возиться? Оставил бы нас в покое».

Олег Денисович вернулся, положил перед собой ежедневник и набросал несколько слов на чистом листке.

– Мне тебя искренне жаль, – сказал он, аккуратно вырывая листок и складывая его вчетверо.

– Да почему?!

– Потому что ты глубоко несчастный человек, Матвей Добровольский. Несчастный и одинокий. И самое печальное, что ты этого не понимаешь.

Олег Денисович протянул сложенный листок Матвею.

– Отдай папе. Жду его завтра или в среду. В среду я с утра.

– Папа в командировке, за границей, – сквозь зубы процедил Матвей.

– Значит, маме. Надеюсь, хоть она меня поймет. Можешь идти.

Матвей мрачно взял листок и сунул в один из многочисленных карманов куртки. Олег Денисович вновь склонился над журналом. С трудом подавив в себе желание шарахнуть дверью, Матвей вышел из кабинета.

На улице уже почти стемнело, кое-где зажглись фонари.

Матвей брел по улице, прислушиваясь, как трещат сухие листья под его кроссовками. Он даже попрыгал на одной ноге, потом на двух, чтобы из хруста получился ритм. Раз-два, раз-два, раз-два-три... Ритмичный хруст. Или хрустящий ритм?

Стараясь не сбиться с такта, Матвей допрыгал до арки, ведущей во двор, и не успел сделать и шага внутрь, как чья-то сильная рука резко ухватила его за куртку и со всего размаху припечатала к кирпичной стене. Вскрикнув от неожиданности, Матвей ударился лопаткой об острый выступ и каким-то дальним уголком сознания отметил, что почему-то не чувствует боли. Темная фигура нависла над ним, не давая пошевелиться.

– Трубу. Бабло. Быстро! – отрывисто проговорил хриплый голос. В нос ударило перегаром. Матвей вздрогнул от омерзения. Сердце колотилось где-то очень высоко, практически в горле. Из рук вырвали сумку, а его самого еще крепче прижали к стене, стиснув грудную клетку так, что трудно стало дышать.

– Чего залип? Не врубаешься, что ли? – угрожающе произнес тот же голос. – Пушкин, переведи ему.

Матвей ощутил сильный толчок в живот.

«Это же они, те самые отморозки, которые были во дворе утром, – пронеслось в его голове. – Вот я попал!»

– Мобилу гони! И бабосы, – «перевел» гнусавый голос, который, видимо, и принадлежал тому, кого называли Пушкиным. Перевод оказался весьма условным, но Матвей все

понял с первого раза. Трудно было не понять, чего требуют грабители в темной подворотне.

Он с трудом глотнул и проблеял срывающимся голосом:
– У меня нет... телефона...

Глаза его немного привыкли к темноте, и теперь он различал три силуэта.

– Не свисти, у всех есть, – отозвался третий, самый крупный, потроша неподалеку его сумку. Содержимое уже валялось на земле, и гопник рылся в куче учебников и тетрадей. Пушкин ощупал карманы куртки и джинсов Матвея, вытащил полтинник, посветил на него фонариком, ухмыльнулся. Хриплый проделал неуловимое движение, раздался тихий щелчок, и Матвей с ужасом ощутил у своей щеки острое лезвие. Он зажмурился.

– Ну, колись, малек, куда заныкал трубу? Все равно найдем. Лучше сам отдай. И сразу побежишь домой, к мамочке.

– Нету. Дома оставил. На зарядке.

Крупный отбросил сумку, подошел и тоже прохлопал накладные карманы куртки.

– Грек, по ходу, нет. Пустой.

– Вякнешь кому-нибудь – пожалеешь! – поигрывая ножом, предупредил хриплый, он же Грек. – Усек?

Матвей с готовностью кивнул. Тот отшвырнул его в сторону. Матвей едва не упал, споткнувшись о свою сумку. Он опустился на корточки и стал собирать учебники, не сводя настороженного взгляда с троих отморозков. Кровь пульси-

ровала в висках, руки дрожали. Ему не верилось, что все так удачно закончилось. Даже телефон не нашли в потайном кармане. Мозгов не хватило похлопать по внутренней стороне рукава.

– Еще шкет идет! – громким шепотом объявил Пушкин. Двое других моментально прилипли к стенам арки и замерли, поджидая очередную жертву. Крупный обернулся к Матвею:

– Проваливай!

Матвей как попало запихнул вещи в сумку и помчался через арку во двор. Но, пробежав немного, притормозил, чтобы посмотреть, кто же попадет в лапы грабителей.

Из-за угла показался второклассник Гошка Тихонов с пятого этажа. И тут же исчез во тьме арки. Наверно, его так же пригвоздили к стене и принялись обшаривать карманы. Матвей сделал шаг назад, в арку. Замер в нерешительности. Что делать? Их трое, они старше, и у них нож. Матвей метнулся во двор. Как назло, никого. А может, обойдется? Не убьют же мелкого, в самом деле. Выгребут все, что есть, да и отпустят. Ну какой телефон может быть у восьмилетнего пацана? Наверняка дешевый. Небось, ему папа свою старую трубку отдал. Такой и не жалко совсем. Это же не навороченный смартфон Матвея, из-за которого стоило бы рисковать... Нет, пожалуй, не надо вмешиваться.

Но как оставить маленького Гошку в лапах у этих пьяных горилл?

Матвей замер посреди пустого двора, не в силах двинуться ни к дому, ни обратно, к арке. И вдруг... Вот удача! По какой-то невероятно счастливой случайности тишину прорезал вой полицейской сирены. Это сработала сигнализация у припаркованного на газоне джипа. Она уже несколько раз орала и вчера, и сегодня ночью, надоела всем жильцам. А хозяин джипа, видимо, не слишком беспокоился: его окна выходили на другую сторону. Но сейчас истошный вой был как нельзя кстати.

Спрятавшись за углом, Матвей завопил что было силы:

– Они там, там! Скорее, все сюда! Хватайте их!

В арке послышался удаляющийся топот. Матвей выглянул из своего укрытия. Темно, ничего не видно. Если они удрали, где же Гошка? А вдруг удрали не все?

Сигнализация продолжала выть. Матвей бросил сумку и, умирая от страха, ступил в темноту. Он сделал глубокий вдох и побежал через арку.

Гошка стоял там, где его оставили, в каком-то ступоре. Матвей подобрал Гошкин рюкзак, схватил второклассника за руку и потащил за собой. Тот бежал, спотыкаясь и неуклюже переставляя ноги. Сигнализация смолкла. В наступившей тишине раздался гнусавый голос Пушкина:

– Пацаны, нас развели! Нет никаких ментов!

– Ну ты тормоз! – Матвей шлепнул Гошку рюкзаком по спине. – Шевели лапами. Бегом!

Гошка наконец очнулся от спячки и припустил к подъез-

ду. Матвей подхватил свою сумку на выходе из арки и понесся вслед за ним. Сзади послышался тяжелый топот. Матвей обернулся на ходу. Так и есть, догоняют. Все трое.

– Ключ! Дверь! – крикнул Матвей.

– Ага! – отозвался Гошка и легко оторвался метров на десять от Матвея, которому не слишком удобно было бежать со своей ношей. Расстояние между Матвеем и преследователями неуклонно сокращалось, щуплый Пушкин почти догнал его.

Гошка первым добрался до подъезда и открыл дверь магнитным ключом. Матвей сделал последний рывок, и они успели захлопнуть дверь перед самым носом отморозка. Тот с досадой саданул ногой по металлу и выругался. По подъезду пошел гул. Было слышно, как через пару секунд подбежали и остальные.

– Ну гляди, малек! – донесся из-за двери хриплый голос Грека. – Ты пожалеешь. Я тебя запомнил.

– Ты как, цел? – тяжело дыша, спросил Матвей.

– Ага, – Гошка забрал у него рюкзак, и они пошли вверх по лестнице.

– Телефон отняли?

– Не-а. У меня его не было. Он дома, на зарядке.

У Матвея вырвался нервный смешок. Ну вот, строил из себя героя, спасал Гошкин телефон, который спокойно лежал дома. Можно было и не вмешиваться, только шпану зря разозлил. Хорошо, что не догнали. А то мало не показалось

бы.

– А куда патруль делся? – спросил Гошка. – Сирена же была.

– Это у парня из третьего подъезда такая сигнализация на джипе. Слушай, а ведь твой отец в полиции работает? Идем, расскажем ему, – возбужденно предложил Матвей. – Пусть их поймают.

– Он на дежурстве. Я завтра расскажу.

– Будут они ждать до завтра! Они, скорее всего, уже удрали.

Матвей остановился возле своей двери, а Гошка, как ни в чем не бывало, поскакал дальше. Даже удивительно, как он так быстро смог оправиться от испуга. У Матвея до сих пор колени подгибались от мысли, что с ними могло быть, если бы их догнали.

Матвей ворвался в квартиру, швырнул сумку в угол и при-
нялся лихорадочно разуваться, крича:

– Мам! Мама! Я сейчас тебе такое расскажу! Мам!

Он вбежал в гостиную, на ходу расстегивая куртку:

– Мам, прикинь, что сейчас было!

И застыл на пороге. Мама в темном деловом костюме
нервно металась по комнате и бросала свои вещи в дорож-
ную сумку.

– Сынок, ты пришел? А я уже хотела тебе звонить. – Она
выхватила свой кухонный фартук из сумки и растерянно
установилась на него, не понимая, как он туда попал. У ма-
мы было бледное лицо и воспаленные глаза. Встревоженный
Матвей тронул ее за локоть:

– Мам, ты чего? Ты куда собралась?

– Сынок, мне надо срочно уехать...

– Куда?

– В Волгоград.

– К бабуле Томе? Она заболела?

– А? Нет, не к бабуле... По другому делу.

– А как же я? Один останусь?

– Ну, ты же справился в прошлом году, когда у нас с папой
совпали командировки.

– У тебя что, командировка в Волгоград? Подожди, какая

командировка, ты же в отпуске!

Мама села на диван, крепко стиснув ручки своей сумки.

– Матвей, ты помнишь тетю Таню?

– Какую еще тетю Таню?

– Ну, мою подругу детства, из Волгограда. Невысокая такая, светленькая, в очках. Мы еще в Турцию вместе ездили.

– Это у которой противная дочка? Да уж, эту писклю захочешь – не забудешь! Она мне тогда весь мозг вынесла.

Мама вздохнула и с усилием произнесла:

– Тетя Таня... умерла.

Матвей молчал, не зная, что сказать. Все это, безусловно, печально. Но не может же он расстраиваться из-за совершенно незнакомого человека. Он эту тетю Таню видел от силы раза три. Конечно, она мамина подруга, они выросли вместе, в одном дворе, ходили в один класс и все такое... Но ведь потом они редко виделись. Ну, вот в Турцию съездили два года назад. Так что получается, мама и раньше жила без своей подруги, и сейчас будет жить. Ничего же не изменится. Какой смысл убиваться?

– Соседи нашли мой телефон, позвонили. Завтра похороны. Я забронировала билет на самолет, иначе не успеваю, – продолжила мама, вскакивая. – Сейчас такси приедет.

Она схватила свой кошелек и вытащила пяти тысячную купюру:

– На, сам разменяешь, я не успела. Будешь покупать в супермаркете что-нибудь готовое. Ну, или полуфабрикаты.

Только прошу тебя, осторожней с огнем.

– Я не понял. Ты что, завтра не вернешься? – Матвей машинально сунул деньги в карман куртки, которую так и не снял.

– Нет. Там еще дела есть.

– Так все дела днем! А вечером села на самолет – и дома.

Мама неуверенно взглянула на него. Матвей знал этот взгляд. Так мама смотрела, когда собиралась сообщить ему что-то неприятное, но боялась его реакции. Потому что возмущался Матвей всегда очень бурно.

– Чего? – подозрительно спросил он.

– Понимаешь... – мама замялась. – Мне нужно еще два-три дня, как получится... Чтобы все уладить.

– Что уладить?

– Я хочу привезти девочку.

– Какую девочку?

– Ксюшу. Дочку тети Тани.

– Это еще зачем?

– Она осталась одна, у нее нет родственников. И теперь ее наверняка заберут в детский дом.

– И что?

– Матвей, мы с Таней были как сестры. Даже ближе. Разве я могу допустить, чтобы ее дочь росла в детдоме? Я хочу взять ее к нам.

– Насовсем? Жить?

– Ну да...

Матвей отшатнулся с диким воплем:

– Мама, ты что?! С ума сошла?

– Матвей! Ты как разговариваешь? – нахмурилась мама, но Матвей ее не слышал.

– Зачем нам такая пискля! Она мне в Турции за два часа надоела, а ты хочешь, чтобы она жила с нами?! – кричал он, возбужденно размахивая руками. – Ты что?! Хочешь к нам привести чужую девчонку?!

– Это не чужая девчонка, – сухо сказала мама. – Это маленькая несчастная девочка, которая в десять лет осталась без мамы. С кем ей жить?

– Не наше дело! Она нам никто!

– Матвей! Прекрати!

– Ты уже все решила, да? Одна? А ты нас с папой спросила?

– За папу не беспокойся, он поймет. И поддержит. Я поговорю с ним завтра утром. А вот от тебя я такого не ожидала. Неужели тебе не жалко Ксюшу?

– Жалко, не жалко – какая разница? Зачем тащить ее к нам?!

– Матвей! Ты сам себя слышишь? Что ты такое говоришь?!

– И куда ты ее поселишь? В свою комнату я ее не пущу!

Зазвонил домашний телефон. Мама взяла трубку, сказала, что уже выходит, и умоляюще посмотрела на Матвея:

– Такси ждет. Сынок, давай не будем ссориться. Я просто

не могу поступить иначе, понимаешь?

– Не понимаю! – возмущенно выкрикнул Матвей. – Потому что ты меня тоже не понимаешь! Это твоя подруга, а не моя! Почему я должен мучиться и терпеть ее дочь у себя в квартире?

– Квартира не твоя, а папина, – устало сказала мама, застегивая дорожную сумку. – Вот он и будет решать.

Взяв свои вещи, она пошла в коридор.

– Если ты вернешься с этой Ксюшей, ты меня больше не увидишь, – бросил ей вслед Матвей.

Мама вновь появилась на пороге гостиной:

– Прекрати так себя вести! Ты невыносим! Я вернусь с Ксюшей, нравится тебе или нет. Я не брошу Таниного ребенка из-за твоего упрямства. Все. Я ушла. Я тебе позвоню из аэропорта.

– Я не возьму трубку!

– Тетя Валя будет заглядывать к тебе.

– Я ей не открою!

– Как жаль, что у меня сын, а не дочь! – в сердцах воскликнула мама. – Дочь бы меня поняла!

– Вот и рожала бы дочь! Зачем меня родила?!

Мама повернулась и ушла, громко хлопнув входной дверью. Матвей в отчаянии застыл посреди комнаты.

В квартире было темно, светился лишь экран монитора да красные цифры электронных часов. Половина десятого.

Матвей сидел на подоконнике, обхватив руками колени. Мама ушла около трех часов назад, но он до сих пор не мог прийти в себя. Даже переодеться забыл, остался в джинсах и джемпере. Впрочем, так даже теплее. Отопление в их доме еще не дали, и по ночам было довольно прохладно.

Как мама могла с ним так поступить? На кого она променяла родного сына? Какая-то противная дочь какой-то чужой тетки будет теперь жить в *его* доме! Есть за кухонным столом, умываться в ванной, сидеть на диване перед телевизором. И при этом все время канючить, ныть и кукситься, как в Турции. Нет, мама точно не в себе. Как можно было вообще до такого додуматься?

– Лучше бы собаку завели, – горько сказал Матвей в пустоту. – И то больше пользы.

Наверняка его теперь заставят возиться с этой девчонкой, водить в школу и домой. Он вынужден будет разговаривать с ней, отвечать на глупые детские вопросы, помогать с домашкой. Еще и за свой компьютер пускать! Ну уж нет, дудки! Если хотят, пусть нянчатся сами с этой Ксюшкой. А он врежет замок в дверь своей комнаты, закроется на ключ и будет жить один. И не станет ни о ком думать. О нем же никто не думает.

Матвей прижался носом к холодному стеклу. Свет фонаря выхватывал из темноты скамейку у подъезда и ряд припаркованных автомобилей. Остальная часть двора тонула во мраке. Возле скамейки мелькала какая-то тень. Матвей при-

смотрелся: да это же тот самый щенок, который увязался за ним утром! Ну да, точно он. Матвей открыл окно и посвистел. Щенок покрутил головой, увидел его и тоненько тявкнул.

– Ну что, бедолага, – сказал Матвей, – никому ты не нужен? Как и я.

В кармане зазвонил телефон. Матвей достал его, взглянул на экран. Мама. Наверно, из аэропорта. Хочет сказать, что вылетает. Ну и пусть летит куда хочет. И возвращается, когда хочет и с кем хочет. В их семье каждый поступает по-своему, не считаясь с другими. И он тоже.

Матвей сбросил вызов, сунул телефон в карман и, прежде чем закрыть окно, снова посвистел щенку:

– Жди меня, я сейчас.

Он натянул в коридоре куртку и выскочил из квартиры, торопливо заперев входную дверь на один оборот ключа. Конечно, надо бы на два, но ведь он ненадолго. Только щенка поймает и вернется. Ну и что, что мама против? С ним же поступают несправедливо. Почему он не может ответить тем же?

Возле скамейки щенка уже не было. Матвей постоял, вглядываясь в темноту, потом негромко свистнул. На освещенный пятачок выкатился мохнатый клубок и с визгом метнулся к его ногам. Матвей наклонился и потрепал щенка по ушастой голове:

– Ну, тихо, тихо. Чего верещишь? Сейчас пойдем домой,

колбаски поедим.

Он взял щенка на руки, повернулся к подъезду и застыл на месте. Перед ним стояли ухмыляющиеся гопники. Все трое. Матвей от неожиданности разжал руки, щенок съехал по его куртке и мягко плюхнулся в сухую листву.

– Ну что, малек? Думал, ты самый умный? – нехорошо улыбаясь, проговорил Грек. – Тебе говорили, что ты пожалеешь? Медуза, скажи, ему говорили? А он не верил.

– Сейчас поверит! – заржал крупный.

Путь к подъезду был закрыт. А значит, и к спасению тоже. У Матвея разом вспотела спина, а горло перехватило так, что он не мог даже пикнуть. Он медленно попятился.

– Иди к нам, человеческий детеныш, – кривляясь, позвал Пушкин и протянул к нему руку.

Матвей сорвался с места и побежал назад, через детскую площадку. Гопники, словно только этого и ждали, бросились за ним. Матвей неся в темноте, мимо призрачных очертаний качелей и горок, перепрыгивал кучи сухих листьев, все больше удаляясь от дома, а отморозки гнали его, как охотники дичь, со свистом и улюлюканьем. Даже, кажется, специально не догоняли, чтобы подольше помучить. Чтобы он устал и сдался сам.

Матвей добежал до соседнего дома, перемахнул через обнесенный колышками газон и заскочил в продуктовый магазин, находящийся с торца.

В маленьком зале за кассой полировала ногти яркая де-

вица с пирсингом по всему лицу. Тетка в голубом берете копалась на одной из полок. Девушка оглянулась на звук колокольчика, равнодушно посмотрела на Матвея и уставилась на тетку, придирчиво перебирающую батоны.

– Женщина, хватит там рыться. Весь хлеб перелапала! Бери уже и шагай домой! – лениво крикнула она.

– А ты мне не хами, пигалица! – сразу завелась тетка. – Я имею право выбирать, я за это деньги плачу! Покупатель всегда прав.

Матвей оглянулся на дверь: нет, гопники внутрь заходить не стали. Поджидают его на улице. Он облизнул пересохшие губы и подошел к витрине с напитками. Жаль, что выскочил из дома без денег. Сейчас бы они ой какгодились. Кажется, целую бутылку лимонада выпил бы. Матвей как наяву ощутил лимонные пузырьки, приятно пощипывающие язык, и сглотнул слюну.

Девушка на кассе и тетка в берете продолжали переругиваться друг с другом. Уже добрались до личных оскорблений и пожеланий «сгинуть», «лопнуть» и «провалиться». Тетка наконец выбрала батон, гордо выпрямилась и не спеша перешла к витрине с кефиром и творогом.

– Эй, парень, ты чего там, приморозило? – перекинулась девушка на Матвея. – Стянуть что-то хочешь? Или покупай, или отчаливай. А то охрану вызову.

Тот живо метнулся к ней:

– Да, пожалуйста, вызовите скорее!

– Кого вызвать? – опешила девица.

– Охрану!

Тетка оторвалась от витрины и подозрительно покосилась в их сторону.

– Понимаете, – торопливо заговорил Матвей, снова оглядываясь на дверь, – меня преследуют хулиганы. Пусть ваша охрана проводит меня до дома. Я близко живу, в этом дворе.

– Ты совсем ку-ку? Если я нажму кнопку, приедет патруль и проводит тебя до полицейского участка. Время почти десять, а ты несовершеннолетний и один по улице болтаешься.

– Да я на минутку из дома вышел. Что же мне делать? Они мне угрожают, у них нож.

Звякнул колокольчик, в дверях показалась ухмыляющаяся физиономия Пушкина.

– Эй, Васек, сколько можно чипсы покупать? Давай шустрей, тебя все ждут, – гнусаво проговорил он и скрылся.

– Видите? – Матвей в отчаянии повернулся к продавщице. – Они меня караулят. Помогите!

– Ну, парень, не знаю, чем тебе помочь. Я не могу магазин оставить. А вот пусть она тебя проводит, эта правдолюбка, – сказала продавщица, пробивая чек. – Уж очень она справедливость любит. Полчаса тут разорялась, как надо поступать и как не надо.

Матвей с надеждой взглянул на тетку, подошедшую к кассе.

– Нашли идиотку! – язвительно воскликнула та, упихивая

продукты в сумку. – Разве не понятно, что они все заодно? Нормальные дети в такое время по домам сидят. А эти рыщут, жертву выбирают. Я его поведу, а дружки оглушат меня чем-нибудь и сумку отберут. Ничего у вас не выйдет, шантрапа малолетняя!

Тетка стремительно направилась к выходу. Матвей двинулся следом, рассчитывая хотя бы выйти из магазина вместе с ней. Ведь не будут же на него нападать на глазах у взрослого человека. Наверняка побоятся. Но тетка обернулась у двери и замахнулась на него сумкой:

– Только попробуй пойти за мной!

Матвей остановился, дождался, пока она выйдет, и резко открыл захлопнувшуюся за ней дверь. Никак нельзя было упустить тетку. Хоть какой-то шанс попасть домой живым и невредимым.

Он стремительно выскочил из магазина и сразу же вонкнулся носом в грудь хриплого. Тот от неожиданности отступил на шаг. Этой секундной паузы Матвею хватило, чтобы ринуться в сторону. Он чудом увернулся от руки Пушкина и боднул головой в живот третьего отморозка. О тетке он уже не думал, бежать к дому не было никакой возможности. Оставался только один путь – через газон к автобусной остановке возле следующего дома.

Там должны быть люди. Они защитят его от этих негодяев.

Матвей припустил к остановке. Гопники и не думали отставать – они понеслись следом, теперь уже молча, и это пугало больше, чем все их ругательства и угрозы. Матвей слышал позади себя прерывистое дыхание и тяжелый топот. Он спиной ощущал волны злобы, исходившие от преследователей. Страшно было даже представить, что с ним станет, если его догонят.

На остановке не оказалось ни души. От отчаяния Матвей влетел в заднюю дверь отъезжающего автобуса. Через пару секунд в салон заскочили все три гопника. Автобус закрыл двери и тронулся с места.

Матвей протянул кондуктору школьный проездной, который всегда лежал в одном из карманов куртки, взял билет и сел впереди, поближе к водителю. Затем оглянулся украдкой. Гопники развалились на заднем сиденье и громко болтали между собой. Молодая девушка-кондуктор поднялась с места и направилась к ним.

Матвей глубоко вздохнул. Как удачно получилось! Ехать в автобусе все же безопаснее, чем оставаться на безлюдной остановке. Только что-то народу маловато, не больше десяти человек. Матвей взглянул на номер маршрута на стекле и похолодел. Этот автобус шел по Загородному шоссе на окраину, через лес, дачи и пустыри в отдаленный поселок, куда

мало кто ездил по вечерам.

Пользуясь тем, что гопники заняты кондуктором, Матвей заглянул в кабину водителя.

– Скажите, вы сегодня обратно поедете?

– Чего? – не понял водитель. – Куда обратно?

– Ну обратно, на эту остановку. Вернетесь?

– Нет, это последний круг. Потом я в парк.

Матвей закусил губу от досады. Что же так не везет-то весь день? А, ну да, Марс в Весах. Неприятности по прогнозу доморощенного астролога тети Вали.

– Послушайте, выпустите меня незаметно, пока мы из города не выехали, – попросил он, понизив голос.

– Чего? – опять удивился водитель, притормаживая на следующей остановке. – В каком смысле «незаметно»?

– Ну, по-быстрому, чтобы никто не увидел.

– Что ты мне голову морочишь? Вот остановка, выходи.

– Я не могу. Меня караулят хулиганы. Они там, сзади. Вы между остановками откройте переднюю дверь, я и выскочу. Чтобы они здесь остались. Ну пожалуйста! Если мы уедем за город...

Матвей вздрогнул, почувствовав на своем плече чужую руку. Хриплый склонился к нему и дружески похлопал по плечу.

– Васятка, братик, ну чего ты как неродной? Идем уже к нам. А ты рули, дядя, рули, не отвлекайся.

Матвей рывком сбросил его руку с плеча:

– Какой я тебе Васятка? Отстань от меня!

Потом снова повернулся к водителю и взмолился:

– Я их не знаю! Они меня преследуют, честное слово. Ножом угрожают!

Грек снова обхватил его за плечи и сказал примирительно.

– Вась, кончай дурить. Не смешно уже. Пойдем к пацанам.

– Помогите! – на весь салон завопил Матвей, вырываясь. Двое пассажиров подняли головы, но вступаться не спешили.

– Вот что, молодежь, – рассердился водитель. – Идите-ка играйтесь в другом месте. Будете шуметь – высажу всех четверых.

– Но я правду говорю! – воскликнул Матвей.

Водитель отвернулся и взялся за руль. Автобус закрыл двери и тронулся с места. Грек широко ухмыльнулся. Матвей растерянно посмотрел на равнодушный затылок водителя, на молодую тоненькую кондукторшу, которая при всем желании не смогла бы ему помочь, и вцепился руками в металлический поручень так, что побелели костяшки пальцев.

– Если не отстанешь, я буду орать, пока не приедет полиция, – сказал он, глядя исподлобья на своего мучителя.

Железные пальцы крепко ухватили его сзади за шею. Грек больно уперся своим лбом в лоб Матвея.

– Да хоть охрипни! Ты еще не понял? Дергайся, не дергайся – тебе хана, малек. Не надо было лезть куда не просят. Это было сказано таким страшным тоном, что Матвей

сразу поверил. По спине поползли мурашки, а кожа на шее запылала огнем от чужого прикосновения. Гопник разжал пальцы, выпрямился и вразвалочку вернулся к своим, на заднее сиденье. Матвей прижался щекой к прохладному поручню.

Автобус резво катил по освещенным улицам города. Гопники больше не подходили – они увлеченно резались в карты. Казалось, о Матвее совершенно забыли. Но он не сомневался: стоит лишь сделать одно движение к выходу, как снова начнется погоня.

Держась за поручень, Матвей время от времени бросал косые взгляды в конец салона. Как же, успокоились они! Просто ждут удобного момента. Сволочи! Ну ничего, он поедет в автобусный парк, а там что-нибудь придумает. Правда, водитель может выгнать всех на конечной остановке. И тогда Матвею точно каюк.

Пейзаж за окном сменился. Исчезли огни, вывески, витрины. Прямоугольники автобусных окон почернели, и в них теперь отражались тусклые лампы салона и безжизненные фигуры пассажиров.

Автобус проехал очередную пустую остановку и вдруг резко притормозил у торчащего неподалеку ларька со светящейся вывеской. Почему-то у каждого слова в названии погасли первые буквы: «газинчик – дукты и питки». Водитель открыл переднюю дверь и вышел, на ходу вынимая деньги из

нагрудного кармана жилетки. Матвей, не меняя позы, проводил его взглядом. Сердце лихорадочно заколотилось. Вот он, путь к спасению, прямо перед ним. Открыта только передняя дверь. Лишь бы успеть выскочить!

Матвей стрельнул взглядом в сторону преследователей. Вроде бы заняты картами, на него не смотрят.

Водитель вернулся к автобусу с бутылкой минералки в руке. Матвей собрался в пружину. Сейчас или никогда. Водитель поднялся и прошел в кабину. Матвей приготовился. Остались секунды до того, как закроется дверь... Пора!

Пока водитель устраивался в своем кресле и тянулся к нужной кнопке на приборной панели, Матвей пригнулся и ужом выскользнул наружу. Створки двери захлопнулись прямо за его спиной, слегка задев куртку. Матвей рванул прочь и спрятался за ларьком. Лишь бы уехали! Лишь бы спохватились как можно позже! Сейчас автобус скроется из вида, ему останется только перебежать на другую сторону дороги и сесть на любой транспорт, идущий обратно в город. И забыть свое опасное приключение как ночной кошмар.

Но тут к ровному гулу отъезжающего автобуса добавился посторонний беспорядочный шум. Матвей осторожно высунулся из-за угла. Внутри освещенного салона темные фигуры колотили в двери и неистово орали, требуя их выпустить. Матвей похолодел. Нет, только не это! Остаться наедине с этими отморозками в каком-то глухом безлюдном месте, где даже некуда спрятаться!

В животе неприятно заныло, и ноги снова стали ватными, как тогда, в арке, когда к его горлу приставили нож. Будто во сне Матвей наблюдал: вот автобус тормознул, его резко качнуло вперед, вот раскрылись двери, и из салона вывалились три переругивающихся с водителем гопника.

Он понял, что это все. Конец. И речь теперь не о деньгах и не о дорогом телефоне, а о его здоровье. А может, и жизни. Им никто не помешает забить его прямо здесь и закопать в тех развалинах, очертания которых проступают вдалеке. И он будет числиться пропавшим без вести. Дети ведь иногда пропадают, он сам слышал по телевизору. А может, это и случается именно так, как сейчас?

Внезапная мысль оглушила Матвея, и он совсем перестал соображать. Волна безумной паники захлестнула его, подхватила и понесла от дороги прочь. Он и сам не понимал, куда и зачем бежит по пустырю. Но не бежать не мог.

Пронзительный свист и возбужденные возгласы сзади говорили о том, что его заметили. Не надо было даже оглядываться, чтобы понять: погоня совсем близко. Еще несколько минут, и его схватят.

Когда впереди показались какая-то стройка и полуразрушенный одноэтажный дом, Матвей пришел в себя и встрепенулся. Вот укрытие! Может, удастся выиграть время.

Хотя зачем? Все равно не спастись.

Он добрался до кирпичной стены и через разломанный оконный проем впрыгнул в комнату. Вернее, в то, что от нее

осталось. Вместо крыши над головой было ясное небо, усеянное яркими звездами. Но их свет, так хорошо помогавший бежать по пустырю, не достигал дальних уголков старого дома. Плотный мрак обступал со всех сторон, и Матвей, спотыкаясь о разбросанный мусор, проскакал по шатким доскам на полу, перебежал в соседнюю комнату и остановился. Спрятаться было негде.

Голоса и топот приближались. Еще немного, и гопники будут в доме. Матвей выскочил через дверной проем, прыгнул с развороченного порожка и оказался по пояс в густом бурьяне. Запутавшись в мотке ржавой проволоки, он нагнулся, чтобы освободить ногу, и вдруг заметил в нескольких метрах от себя широкую бетонную трубу. Недолго думая, он оттащил обломок стула, заграждающий вход, и нырнул внутрь. В нос ударил затхлый запах. Глаза словно ослепли: сюда не проникал ни один даже самый крохотный лучик света. Но Матвей сейчас был даже рад крошечной тьме. Здесь его точно не будет видно, даже если эти уроды догадаются заглянуть внутрь. Но вряд ли. Труба почти не заметна в бурьяне.

Матвей на четвереньках отполз от края и в изнеможении откинулся на округлую стену, прерывисто дыша открытым ртом. Совсем скоро он услышал приближающиеся голоса.

– И где он, пацаны?

– Грек, да здесь он, в окно влез, я видел. Сныкался где-то в доме.

– Ты че, решил с нами в прятки поиграть? Эй, смертник! Вылезай! Найдем – хуже будет.

– Куда уж хуже, – одними губами прошептал Матвей. Воздух в трубе был пропитан пылью, в горле першило, и никак не получалось глубоко вздохнуть. Согнутые в коленях ноги мелко тряслись, как будто через них пропустили слабый ток.

Зашуршала сухая трава, и голоса зазвучали прямо над головой.

– Нет его нигде.

– Да тут. Куда он нафиг денется!

– По ходу, вон туда, к стройке двинул. Погнали за ним!

Шаги стали удаляться. Не успел Матвей облегченно выдохнуть, как в кармане у него зазвонил телефон. В тишине этот звон показался просто оглушительным. Матвей лихорадочно выхватил трубку. Ну конечно! Кто еще будет звонить в двенадцатом часу ночи! Что ж ты, мама, делаешь? Зачем так подставляешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.